

ПОВЕСТЬ

ВЫЖЖЕННЫЙ КЛЮЧ

ГУСЬ ГУСЕВ

Гусь Гусев

Выжженный ключ

«Автор»

2026

Гусев Г.

Выжженный ключ / Г. Гусев — «Автор», 2026

Москва, 2061. Дима Добродей — бывший проводник, специалист по работе внутри Толщи, общей нейросети города. Три года назад ему выжгли ключ, и с тех пор он чинит чужие импланты в мастерской в Марьиной Роще. Однажды ночью кто-то входит в хранилище корпорации его выжженным ключом — и там гибнет человек. Теперь Диму ищет служба безопасности, а единственный, кто предлагает не тюрьму, а работу, — человек, который не тратит слова. Семь суток, чтобы найти того, кто сделал невозможное. Или стать тем, кем его уже назначили.

© Гусев Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Лампочки	6
Часть первая. Лампочки	7
Глава 1. Чужая рука	8
Документ 1	11
Глава 2. Человек, который не тратит слова	12
Глава 3. Вдова	14
Глава 4. Железо и точка	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Гусь Гусев

Выжженный ключ

Насте и Ване — за то, что не спрашивали.

Пролог. Лампочки

Александр Ершов любил четвёртый уровень за то, что на нём ничего не происходило.

Смена начиналась в двадцать два ноль-ноль. Он приходил на десять минут раньше, вешал куртку, наливал чай из своего термоса — казённый был хуже — и садился в кресло. Порт в затылке, новый, полгода как, входил в подголовник с мягким щелчком, к которому Ершов до сих пор не привык. Потом — падение на полсекунды, и он был на месте.

Четвёртый уровень «Севергаза» он видел как пульт. Не как пространство — многие дежурные видели коридоры, комнаты, что-то похожее на офис, — а именно как пульт: длинную панель, на которой горели лампочки. Зелёная — шлюз закрыт. Жёлтая — кто-то у шлюза. Красная — не бывало ни разу за полгода. Он сидел, смотрел на зелёные лампочки и думал о своём. О сыне, которому в ноябре семь. О том, что в субботу надо ехать за резиной. О том, что Лена опять сказала «ты стал плохо спать» — а он и правда стал.

Две недели назад серый человек сказал: в среду. Просто «в среду», без даты, потому что дата будет, когда будет. И ещё сказал: тебе ничего не нужно делать. Это было главное, что он говорил все полгода, по средам, в одиннадцать вечера, на том адресе, куда Ершов ходил через свой домашний порт, пока Лена думала, что он смотрит футбол. Тебе ничего не нужно делать. Просто не поднимай глаз. Сиди и смотри на лампочки, как всегда, — а потом будет перевод, и ты будешь дома днём, и сыну будет с кем делать уроки.

Он согласился, потому что это звучало как ничего. Ничего не делать он умел.

Но за полгода «ничего» выросло. Сначала в вопрос: что они возьмут? Потом в другой: а что будет с тем, кто на дежурстве, когда пропажу найдут? Потом в третий, самый простой, который он не мог сформулировать, а мог только чувствовать, лёжа рядом с Леной в три ночи: если мне ничего не нужно делать, зачем им я?

Вчера он сказал Лене: если предложат перевод — откажусь. Она не поняла. Он не объяснил. Он сам не был уверен, что это решение, а не просто слова.

В тринадцать жёлтая лампочка на шлюзе-один мигнула и погасла. Зелёная не загорелась.

Ершов посмотрел. Так бывает — сбой индикации. Он ждал. Через сорок секунд то же самое сделал шлюз-два. Потом три. Потом четыре. Лампочки гасли одна за другой, как гаснут окна в доме, где кто-то идёт по коридору и выключает свет.

Хранилище открылось в тридцать одну. Он знал это не по лампочке — лампочки хранилища не было, — а по тому, как изменилось само пространство: пульт стал тише. Так тихо бывает, когда в соседней комнате перестают дышать.

Он сидел и смотрел. Ему ничего не нужно было делать.

Он подумал про сына, которому в ноябре семь. Потом про то, что журнал смены — это его фамилия. Потом ни про что: просто увидел, как в закрытом хранилище что-то идёт, и услышал внутри этого чего-то — не голос, а голоса. Много. Один шёл впереди, остальные — за ним, как хор за солистом, и солист шёл походкой, которую Ершов не знал, но которая была человеческой. Кто-то шёл по его этажу. Кто-то, у кого было имя.

В тридцать три Александр Ершов поднял глаза, положил обе руки на пульт и сделал то, чему учат всех.

Часть первая. Лампочки

Ключ принадлежит Палате. Проводник является его временным носителем. — Протокол Палаты о ключах, § 1.1

Глава 1. Чужая рука

Дождь над Марьиной Рощей шёл третьи сутки, и рекламные экраны на крыше «Гелиоса» отражались в лужах так ярко, что казалось — светят из-под земли.

Марьиная Роща так и не стала тем, чем ей обещали стать при каждой реконструкции. «Райкин Плаза» стояла на месте, только вместо магазинов внутри теперь были капсулы — спальные, почасовые, для тех, кто работал в Толще по ночам и не хотел ехать домой, — и по вечерам её стеклянный фасад светился не витринами, а сотней одинаковых окошек, как улей. «Сатирикон» рядом давно не был театром: в нём держали серверную, и из вентиляционных решёток на фасаде шёл тёплый воздух, у которого грелись курьеры. Через дорогу, в бывшей «Планете КВН», по-прежнему смеялись — но записанным смехом: зал сняли под студию, где нейросети учили шутить на живой публике, и публику набирали за деньги. Над всем этим, на севере, стояла Останкинская башня — тёмная, без огней, её отключили лет двадцать назад, когда сигнал перестал нуждаться в высоте, — и Дима из окна над мастерской видел её каждое утро, как видят гору.

Дима Добродей сидел в задней комнате своей мастерской и держал пинцетом крошечный контакт от чужого затылочного разъёма. Разъём принадлежал курьеру из Отрадного, который вчера пришёл с жалобой: «Картинка плывёт, когда бегу». Картинка плыла, потому что курьер экономил и ставил китайские контакты на корейский порт. Дима это видел сразу, но не сказал. Люди платят за починку, а не за правду. На рынке это называлось «лечить уши» — и Дима три года лечил уши, как лечат их те, кто больше не садится.

Мастерская называлась «Ремонт нейроинтерфейсов, быстро, без вопросов». Первые два слова были правдой. Последние два — тем, за что здесь на самом деле платили.

Три года назад у Димы была другая работа. Он был проводником.

Так называют тех, кто умеет работать внутри Толщи — общей сети, в которую давно срослись все городские системы: банки, больницы, транспорт, корпоративные хранилища, чужие сны. Обычный человек видит Толщу как ленту с картинками. Проводник видит её как пространство — этажи, коридоры, запертые двери. И умеет двери открывать.

Для этого нужны две вещи. Порт в затылке — такой можно поставить в любой подворотне. И ключ.

Ключ — это не пароль. Это отпечаток того, как именно твой мозг сжимает и разжимает сигнал, когда тыходишь. У каждого он свой, как походка. Ключ выдаёт городская Палата, и она же может его выжечь: прописать в реестре Толщи, что вот эта походка — запрещена, и тогда любой шлюз, любая дверь, любой узел просто перестают тебя видеть. Не выбрасывают. Не бьют током. Ты подключаешься — и вокруг тебя пустота.

Диме выжгли ключ за «Тверскую-12». Про «Тверскую-12» он старался не думать.

По Шереметьевской прошёл трамвай — без водителя, без пассажиров, пустой, как ходили все трамваи после трёх ночи, потому что снять их с линии было дороже, чем гонять пустыми, — и витрина отозвалась на него привычной дрожью.

Дверь мастерской хлопнула так, что задрезжала витрина с чужими ушными усилителями.

— Дима. — Ваня Некипелов стоял на пороге, мокрый, огромный, с пакетом из «Азбуки» в руке. — Ты сегодня выходил из дома?

— Я живу здесь.

— Значит, нет. — Ваня прошёл в заднюю комнату, не разуваясь, поставил пакет на верстак и достал из него две бутылки пива и планшет. — Тогда сядь. Ты сидишь? Хорошо.

Ваня держал лавку в Митине, торговал железом, которое по документам не существовало: серые импланты, перебитые порты, чипы с выдуманной историей. Он был единственным,

кто три года назад продолжал звонить Диме, когда все остальные перестали. Ваня никогда не спрашивал про «Тверскую». Он просто приезжал, привозил пиво и говорил о своём.

Сегодня он говорил не о своём.

— Ночью кто-то вошёл в «Севергаз-Ноосферу». В хранилище, не в приёмную. Четвёртый уровень. — Он повернул планшет к Диме. На экране была служебная сводка, из тех, что не показывают в ленте, но за деньги продают в любом подвале. — Вошёл чисто. Без взлома. Просто прошёл через все шлюзы, как свой.

— Бывает. У корпораций дырявые люди.

— Дима. Он прошёл с твоим ключом.

Дима не сразу понял, что означает эта фраза. Не потому, что не понял слов. Потому, что слова описывали невозможное.

— Мой ключ выжжен.

— Знаю.

— Выжженный ключ не открывает шлюзы. Он их закрывает.

— Знаю. Читай.

Дима взял планшет. Сводка была сухая, корпоративная, с временными метками. Вход 03:14. Прохождение шлюзов один, два, три, четыре — без единого отказа. Идентификатор походки в реестре Палаты: Добродей Д. Е., статус — аннулирован. Хранилище открыто 03:31. И дальше — строка, от которой у Димы похолодели пальцы.

Оператор дежурной смены, Ершов А. В., подключён к хранилищу для противодействия. 03:33 — обратный сигнал. 03:34 — смерть мозга.

Кто-то не просто вошёл его походкой. Кто-то встретил дежурного, который пытался вытолкнуть чужака из хранилища, и убил его — послал по нейросвязи такой сигнал, что у человека сгорела кора. Это умеют единицы. Дима умел. Он никогда этого не делал, но умел, и все, кто знал его прежнюю работу, знали и это.

— Это не я, — сказал он.

— Мне можешь не объяснять. — Ваня открыл бутылку о край верстака. — Объяснять придётся другим. «Севергаз» подключил Палату, Палата подняла реестр, в реестре твоя фамилия. Пока ты паял чужие уши, тебя уже назначили.

— Ключ выжжен. Его нельзя использовать. Это физически...

— Это физически кто-то сделал. Значит, можно. — Ваня отхлебнул. — И вот что мне не нравится больше всего. Не то, что тебя подставили. А то, что для этого у кого-то должна была быть копия твоей походки. Снятая до того, как её выжгли. Ты кому-нибудь давал себя записать?

Дима молчал. Он вспоминал.

Палата снимала походку при выдаче ключа — это стандарт. Потом снимала при аннулировании — тоже стандарт, чтобы прописать запрет. Значит, две копии лежали в Палате. Палата — государственная структура, доступ туда есть у всех корпораций с лицензией на безопасность. То есть у всех.

— У любого, у кого есть пропуск в реестр, — сказал он.

— То есть у половины города. Отлично сужает круг.

Дверь хлопнула во второй раз, тише.

Дима узнал шаги раньше, чем увидел человека. Три года не слышал — и узнал. Ровные, лёгкие, чуть быстрее, чем ходят люди без вживлённого разгона. Настя Семенова вошла в заднюю комнату, отряхнула капюшон и посмотрела сначала на Ваню, потом на пиво, потом на Диму.

Она почти не изменилась. Короткая стрижка, чёрная куртка, под ней — угадываемый по осанке каркас. Настя работала телом: охраной, сопровождением, иногда тем, чему нет приличного названия. Её разгон — искусственные волокна в мышцах и ускоренные нервы — стоил

больше, чем вся мастерская Димы с домом впридачу. Она заработала на него сама. Когда они были вместе, она говорила, что он работает головой, а она руками, и вместе они целый человек.

После «Тверской» целый человек развалился. Дима не винил её. Он бы сам от себя ушёл.

— Ты уже знаешь, — сказала она. Не вопрос.

— Ваня принёс.

— Тогда слушай, что Ваня не принёс. — Она не села. Она никогда не садилась в чужих помещениях. — Я сейчас на контракте у «Радуги». Служба безопасности. Утром «Радуга» получила запрос от «Севергаза» на содействие в задержании. Не в «поиске». В «задержании». Твой адрес у них есть. Выезд назначен на пятнадцать ноль-ноль.

Дима посмотрел на часы над верстаком. Четырнадцать сорок.

— Ты пришла предупредить.

— Я пришла, потому что старший службы, Ярцев, попросил передать тебе лично: если ты не побежишь, разговор будет другим. — Настя выдержала паузу. — Он сказал: «Мне не нужен виновный. Мне нужен тот, кто это умеет». Я не знаю, что это значит. Но я знаю Ярцева. Он не тратит слова.

Ваня фыркнул.

— Ага. И ещё он не тратит людей, пока они полезные.

— Именно, — сказала Настя, и в этом слове не было ни согласия, ни спора. Только точность.

Дима положил пинцет. Контакт от чужого разъёма так и остался лежать на сукне — крошечный, китайский, дешёвый. Курьер из Отрадного зря приходил.

Он подумал о дежурном по фамилии Ершов, о котором до сегодняшнего дня не знал ничего и который умер ночью с его именем в журнале. Подумал о том, что за три года впервые кто-то произнёс слово «умеет» рядом с его фамилией не как обвинение.

Подумал о Насе, которая стояла в его мастерской и не садилась.

— Хорошо, — сказал он. — Я не побегу.

За окном дождь ударил сильнее, и на мокром асфальте перед мастерской остановились две машины без номеров.

Документ 1

Служебная сводка службы безопасности АО «Севергаз-Ноосфера». Не для распространения.

Инцидент: несанкционированный доступ к хранилищу IV уровня. Время: 03:14–03:34. Прохождение шлюзов 1–4: без отказа. Идентификатор походки по реестру Палаты: Добродей Д. Е., статус — аннулирован (58). Способ обхода аннулирования: не установлен. Хранилище открыто в 03:31; объём изъятия уточняется, предварительно — 60 %. Оператор дежурной смены Еришов А. В. подключился к хранилищу для противодействия в 03:33; в 03:33:41 зафиксирован обратный сигнал; в 03:34 — смерть мозга. Рекомендация: запрос в Палату, запрос лицензиатам на содействие в задержании. Приоритет: высший.

Глава 2. Человек, который не тратит слова

Из первой машины никто не вышел. Из второй вышел один человек, без зонта, и пошёл через лужи к мастерской так, будто дождь его не касался.

Дима видел его через витрину между ушными усилителями и коробкой с чужими портами. Лет пятьдесят. Серое пальто, серые волосы, серое лицо, из тех, что не запоминаются с первого раза и не забываются со второго. Никаких видимых имплантов. У людей его уровня импланты не видны — это и есть уровень.

— Ярцев, — сказала Настя тихо. — Один. Это хорошо.

— Почему?

— Если бы он пришёл тебя брать, он бы не пришёл.

Ваня встал, посмотрел на пиво, на Диму, потом сел обратно. Дима оценил это. Ваня был человеком, который не уходил, когда становилось неуютно, и это было единственное, чем он отличался от большинства знакомых Димы.

Колокольчик над дверью звякнул. Ярцев вошёл, закрыл дверь за собой, остановился посреди мастерской и посмотрел на витрину — так внимательно, будто пришёл именно за ушными усилителями.

— Добродей Дмитрий Евгеньевич, — сказал он, не оборачиваясь. — Тридцать два года. Проводник Палаты с двадцать первого по пятьдесят восьмой. Одиннадцать чистых входов четвёртого уровня, три — пятого. Аннулирован по «Тверской-12». С тех пор — ремонт. — Он наконец повернулся. — Я не буду спрашивать, где вы были этой ночью. Я знаю, что вы были здесь. У меня есть запись с камеры напротив, я её купил у хозяина «Шаурмы 24» за три тысячи.

— Тогда зачем вы здесь?

— Затем, что «Севергазу» это неинтересно. У них труп, у них журнал с вашей фамилией и у них есть Палата, которая подтверждает, что походка ваша. Для них дело закрыто, осталось вас найти. — Ярцев прошёл в заднюю комнату, коротко кивнул Насте, будто отмечая, что поручение выполнено, и остановился напротив Димы. — А мне интересно другое. Мне интересно, кто прошёл четыре шлюза с выжженным ключом. Потому что это невозможно. А потом я думаю: раз это возможно, значит, кто-то это умеет. А раз кто-то это умеет, он сделает это ещё раз. И в следующий раз хранилище может быть моё.

Он говорил ровно, без нажима, как читают отчёт. Дима поймал себя на том, что слушает.

— Дежурного убили обратным сигналом, — сказал Ярцев. — Вы знаете, что это такое. Я знаю, что вы знаете, потому что в Палате осталось семь человек, которые это умеют, и вы один из них. Двое из семи мертвы, один в Сингапуре, один в Палате на должности, с которой не встают. Остаётся трое, включая вас. Я не верю, что это вы. Я хочу знать, кто.

— Спросите двух других.

— Спрошу. Но у них есть ключи, работа, репутация. У них нет причин работать на меня. А у вас есть.

Ваня фыркнул. Ярцев не повернул головы.

— Условия такие. «Радуга» имеет лицензию на безопасность и право выдавать временные гостевые ключи под свою ответственность. Я выдам вам гостевой ключ на семь суток. Вы входите в Толщу под нашим флагом, ищите того, кто это сделал, и отдаёте его мне. Семёнова будет с вами — как охрана и как мои глаза, скрывать не буду. Через семь суток я либо получаю имя, либо передаю вас «Севергазу» с чистой совестью, потому что я честно пытался.

— А если имя будет, что получу я?

Ярцев впервые посмотрел ему прямо в глаза.

— Ходатайство «Радуги» в Палату о восстановлении ключа. Полного. С мотивировкой, что аннулированный проводник оказал содействие в поимке преступника с идентичными навыками. Такие ходатайства удовлетворяют. Я знаю, потому что одно уже подавал.

Наступила тишина. За окном дождь бил по капотам машин без номеров.

Дима думал не о ключе. О ключе он думал три года и научился не думать. Он думал о том, что Ярцев только что произнёс вслух ровно те слова, которые нужно было произнести, чтобы человек в его положении сказал «да», — и произнёс их так, будто просто перечислял условия.

— Мне нужен доступ к журналу «Севергаза». Полному, не сводке.

— Он у вас будет.

— И к реестру Палаты. К архиву походок.

— Это сложнее, — сказал Ярцев. — Но будет.

— И Ваня участвует. Он знает рынок железа лучше любого вашего аналитика.

Ярцев впервые посмотрел на Ваню, оценил его, как оценивал витрину, и кивнул.

— Некипелов Иван, Митино, лавка «Железо и точка», три предупреждения от Палаты за оборот немаркированных портов. Участвует. Без допуска, без ключа, без денег от «Радуги». Ваши расходы — ваши.

— Договорились, — сказал Дима.

Ярцев достал из кармана пальто тонкую чёрную пластину размером с визитку и положил на верстак рядом с китайским контактом.

— Гостевой ключ. Активируется через восемь часов, столько нужно Палате, чтобы прописать вас в реестре. Инструктаж по нашему протоколу проведёт Семёнова. — Он поднял воротник. — Семь суток, Дмитрий Евгеньевич. Считайте с полуночи.

Он вышел так же, как вошёл, — не глядя на дождь. Машины уехали.

Ваня открыл вторую бутылку.

— Он тебя купил за три минуты. Я засекал.

— Я знаю, — сказал Дима.

— И тебя это устраивает?

— Нет. — Дима взял чёрную пластину. Она была тёплая, как будто её долго держали в руке. — Но он сказал одну вещь, которая устраивает. Что кто-то сделал невозможное. Я три года живу в мире, где невозможное — это моё имя в реестре с пометкой «аннулирован». Если кто-то может это обойти, я хочу знать как. Даже если он это сделал, чтобы меня утопить.

Настя наконец села. На край верстака, боком, как садятся люди, готовые встать.

— Инструктаж короткий, — сказала она. — Первое: ключ гостевой, значит, каждый твой вход пишется в «Радугу» полностью. Не только куда, но и как. Ярцев увидит твою походку целиком. Второе: я в комнате, когда ты в Толще. Всегда. Третье... — Она поискала слово и не стала его смягчать. — Третье — моё. Не его. Если ты снова сделаешь то, что сделал на «Тверской», я выдерну тебя из кресла раньше, чем ты закончишь. Не ради тебя. Ради того, кто будет на другом конце.

— Хорошо, — сказал Дима.

Он не стал спрашивать, что она думает о «Тверской». Три года назад он спросил, и ответ был тем, после чего она ушла.

Глава 3. Вдова

Ершов Александр Викторович жил в Кузьминках, в той их части, где парк подходит к домам вплотную и осенью в подъездах пахнет листьями. Панельная девятиэтажка была из тех, что пережили три капремонта и во время третьего лишились балконов — их закрыли стеклом сплошь, и фасад стал похож на один длинный аквариум. Волгоградский проспект гудел в двух кварталах: по нему шли колонны грузовых платформ на юг, к Люберцам, — но во дворе было тихо, как бывает тихо только во дворах, где все друг друга знают и не разговаривают. Лифт в доме разговаривал голосом, снятым с какого-то давно умершего актёра. Лифт сказал: «Девятый», — и открылся.

Дима приехал на метро. Настя предлагала машину «Радуги», но он три года ездил только на метро и не собирался менять привычку из-за того, что его ищут: турникеты читали походку и пропускали без неё, за наличные, и метро было одним из немногих мест в городе, где выгоревший ничем не отличался от остальных. Наличные — бумажные, с водяными знаками Палаты — печатали как раз для таких: для тех, кого нет в реестре и кто не может заплатить взглядом. В городе их называли «слепые деньги». Дима носил их в кармане куртки, как носят паспорт другой страны.

Настя приехала своим ходом и ждала внизу, в машине, — она сказала, что женщина, у которой вчера умер муж, не должна видеть рядом с незнакомцем человека с каркасом под курткой, и Дима не спорил.

Дверь открыла женщина лет сорока в домашнем платье, с лицом, из которого вытекло всё, кроме усталости.

— Вы из «Севергаза»?

— Нет. Я из тех, кого «Севергаз» считает виноватым.

Он ждал чего угодно — крика, захлопнутой двери. Она посмотрела на него долго и отступила в квартиру.

— Проходите. Чай будете?

Её звали Лена. На кухне пахло лекарствами и той особенной чистотой, которая появляется в домах, где кто-то всю ночь мыл посуду, чтобы не думать. На холодильнике — магнит из Калининграда, детский рисунок и распечатанный лист с крупным заголовком: «ПОРЯДОК ДЕЙСТВИЙ ПРИ ЭКСТРЕННОМ ОТКЛЮЧЕНИИ». Ершов брал работу домой.

— Мне сказали, что это сделал человек по фамилии Добродей, — сказала Лена, наливая чай. — Мне показали вашу фамилию на планшете. Я не запомнила лица, они не показывали лица. Вы — он?

— Да.

— И вы говорите, что это не вы.

— Да.

— Почему я должна вам верить?

— Не должны. Но я пришёл узнать, кто это сделал, а «Севергаз» — нет. Они уже знают, кто. Это я. Им больше ничего не нужно.

Лена села напротив. Она держала чашку двумя руками, как держат что-то, что может улететь.

— Саша был на дежурстве три ночи подряд. Их так ставят — три через три. Он говорил, что четвёртый уровень — это тихая работа, там ничего не бывает, сидишь и смотришь на лампочки. Он специально просился на четвёртый. Из-за сына. Чтобы днём быть дома.

— Он давно на четвёртом?

— Полгода. С тех пор, как... — Она остановилась. — С тех пор, как подписал новый контракт. Расширенный. Ему добавили допуск и подняли оплату. Он был очень доволен. Купил себе новый порт, вот такой, — она показала на затылок, — сказал, что старый уже не тянет.

Дима отметил. Расширенный контракт. Новый порт.

— Он что-нибудь говорил в последние дни? Что-то необычное.

Лена долго молчала.

— Он стал плохо спать. Недели две. Я думала, из-за графика. А за день до... в среду... он пришёл со смены и сказал: «Лен, если мне предложат перевод, я откажусь». Я спросила — какой перевод. Он сказал: «Радужный». И засмеялся. Я не поняла. Я думала, это шутка про цвет.

Дима поставил чашку.

— Он не объяснил?

— Нет. Сказал: «Не бери в голову, это между своими». Он часто так говорил. Про работу — «это между своими».

Она встала, вышла в комнату и вернулась с маленькой пластиковой коробкой.

— Вот. Это из его вещей, которые вернули утром. Старый порт. Он его снял, когда поставил новый, и держал в столе. Не знаю зачем. Возьмите. Мне он не нужен, а «Севергаз» его не забрал — сказали, не имеет ценности. — Она положила коробку на стол. — Если вы действительно хотите найти... найдите. Мне не нужен ваш ключ, мне не нужна их компенсация. Мне нужно понять, почему Саша, который сидел и смотрел на лампочки, вдруг умер.

Дима взял коробку. Порт был старый, потёртый, с царапиной на коже. Обычная железка. Но старые порты хранят кэш последних подключений — не содержимое, а адреса. Полгода адресов человека, который «сидел и смотрел на лампочки».

— Спасибо, — сказал он.

— Я не для вас, — сказала Лена. — Я для него.

В лифте Дима подумал, что Ярцев называл убийство Ершова «обратным сигналом», как техническую операцию, а Лена — «Саша умер». И что он сам последние три года думал о «Тверской-12» словами Ярцева, а не словами Лены.

Внизу Настя открыла ему дверь машины и посмотрела на коробку.

— Что это?

— Полгода адресов. — Он сел. — И слово. «Радужный».

Настя ничего не ответила. Но Дима видел, как её пальцы на руле легли ровнее.

Глава 4. Железо и точка

Лавка Вани стояла в Митине, в подвале бывшего торгового центра, между массажным салоном и пунктом выдачи, который выдавал не совсем то, что заказывали. На вывеске было написано «Железо и точка», и это была единственная честная вывеска во всём коридоре.

Сам Ваня в Митине не жил. Он жил на Патриарших — в бабушкиной комнате в коммуналке на Малой Бронной, с окном на пруд, и не продавал её из принципа, хотя за неё давали столько, что хватило бы на три лавки. «Бабушка сорок лет отбивалась от тех, кто хотел эту комнату, — говорил он. — Я не буду тем, кто сдался». Соседи по коммуналке менялись каждые полгода: молодые люди с портами, которые снимали здесь «за адрес». Ваня был единственным, кто помнил, как пруд замерзал.

— Порт Ершова — это хорошо, — сказал Ваня, разглядывая коробку под лампой. — Но кэш я тебе сниму завтра, нужен считыватель, который у меня не здесь. А вот про «Хор» ты не спросил.

— Какой хор?

— Тот, про который ты услышишь от Ярцева через день-другой, потому что Ярцев про него уже знает, а тебе скажет, когда решит, что пора. — Ваня открыл дверь в заднюю комнату. Там на стеллажах в пластиковых коробках лежало то, чего по документам не существовало, — сотни портов, разъёмов, чипов, каждый со своей выдуманной биографией. — Садись. Расскажу.

Дима сел. Настя осталась стоять у входа, спиной к стене, лицом к двери. Ваня посмотрел на неё, вздохнул и не стал предлагать стул.

— Проводники работают по одному. Так устроен ключ: одна походка, один вход. Двое в одном входе — это уже не походка, это шум, и шлюз тебя выкидывает. Стандарт Палаты, с двадцатых годов. Так?

— Так.

— Так вот, года полтора назад на рынке стали появляться люди, которые покупают странное. Синхронизаторы. Такие, которые ставят между двумя портами, чтобы два мозга входили в Толщу одним сигналом. Это запрещено, это бессмысленно, это никому не нужно. Я думал, студенты балуются. Потом стали покупать на четверых. Потом на восьмерых. А потом один из покупателей, пьяный, сказал моему человеку на Савёловском: «Мы хор. Мы поём одним голосом, и шлюз слышит одну походку».

— Это невозможно.

— Ты сегодня второй раз говоришь это слово, — заметил Ваня. — И второй раз оказывается, что возможно.

Дима думал. Восемь походок, синхронизированных в одну. Это не обход реестра. Это создание походки, которой нет в реестре, — походки, которая принадлежит не человеку, а группе. Реестр ищет совпадение. Если совпадения нет, шлюз спрашивает: кто ты? И если у группы есть ответ...

— Если у них есть ответ, — сказал он вслух, — то они могут ответить чем угодно. В том числе — чужой походкой. Моей.

— Если у них есть запись твоей походки, — сказала Настя от двери. Она слушала.

— Которая есть в Палате в двух экземплярах. — Ваня разлил чай из термоса. — Значит, «Хору» кто-то её отдал. Или продал. Или дал украсть.

— Кто их лидер?

— Не знаю. Никто не знает. Знают, что покупки идут через одну женщину, её зовут Люба, на рынке — Кассирша. Она сидит на Савёловском, торгует кабелем и ничего не решает. Но она знает, куда позвонить.

— Ты можешь меня к ней подвести?

Ваня посмотрел на него поверх чашки.

— Могу. Но подумай сначала, кем ты придёшь. Если ты придёшь как человек Ярцева — тебя не пустят дальше Кассирши. Если придёшь как Дима Добродей, у которого выжгли ключ и которого «Хор» только что подставил, — тебя тоже не пустят, тебя убьют. А вот если ты придёшь как проводник, который умеет обратный сигнал и хочет петь в хоре...

— Тогда я стану тем, кем меня уже назначил «Севергаз».

— Именно, — сказал Ваня. — Красиво, да?

Настя отлепилась от стены.

— Ярцев на это не подпишется. Гостевой ключ пишет всё. Если ты войдёшь в Толщу вместе с «Хором», «Радуга» увидит их походку целиком. И их всех. Ярцев получит имя за одну ночь.

— Ярцев получит имя, — согласился Дима. — А я — нет. Я получу семь суток, ходатайство и жизнь, в которой человек по имени Ершов умер, потому что «сидел и смотрел на лампочки». — Он поднял коробку с портом. — Я хочу знать, что значит «радужный». Прежде чем отдавать кому-то что-то.

Настя смотрела на него долго.

— Ты понимаешь, что я обязана сообщить ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.